

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90, 93, 96, 99, 102

Спасение

в «Литературке»

— Мы с Колей, Алексан Борисыч, — простонародье. Смутило нас Андреева Сашки выступление. Вы в среде верхних эшелонов свой человек. Неужто на самом деле дети наших министров и маршалов нацелены только на браки между собой? Даже при царских дворах допускались маргинальные браки, и вдуру у нас, воспитанных на равенстве, браки — по уровню родителей.

Чаковский не спешил прожевывать рыбу не потому, что затруднялся с ответом: то, что взволновало Нилина и меня, мало его беспокоило, а если и беспокоило, — то с высоты космического полета. Он допил из рюмочки искристого янтаря влагу, — до нас донеслась терпкость благоухания, присущего армянским коныякам, — промокнул губы салфеткой бумажного тиснения и сказал:

— Андреев судит по дачному поселку, где получил землю и строит дом. Сподобился, как говорите вы. Возникла тенденция... внешне законная. Порождает социальное отрицание — есть кому поправить.

— Во, Коля! А мы? Сенатор! Примите нашу простонародную признательность, Алексан Борисыч.

Ясность ответа приятно обозначила, что разумностью литературно-идеологический властелин Чаковский не хухры-мухры, а мухры-хухры.

И еще раз я видел Чака в его кабинете на Цветном бульваре. С явным запозданием экисты заставляли Калужский обком и партбюро нашей писательской организации во главе с подполковником в отставке в секретарях Матвеем Пильником исключить меня из КПСС. Заход, сделанный и тем, и другими, не удался.

Георгий Мокеевич Марков, тогда первый секретарь СП СССР, вполне допускаю, интересовался моим положением в Калуге и, чтобы не зажали меня там, повелел Виталию Сырокомскому взять меня в «Литературку» на «фикс». Они ехали в Прагу, и по пути туда Марков выразил свою волю.

Мне необходимо было спастись, и едва Виталий Александрович пригласил меня к себе и поинтересовался, пойду ли я в газету на «фикс», я, зажимая в себе страдание о бесприщипности, не отказался. Условие: обозреватель отдела экономики, свободный приход в редакцию, один материал в два месяца, плата — 120 рублей, что в то время было для меня ощутимо: хлеб стоил спасительно дешево — батон — 15 копеек, белая буханка — 18 копеек, постная колбаса, еще не набиваемая крахмалами и прочими немясными подлогами, — два рубля, проезд из Калуги в Москву — три рубля, обратно — тоже, проезд в трамвае — три копейки, в троллейбусе — пять, в метро — десять, звонок по телефону-автомату — две копейки.

Сдержанно вознаграждала советская власть большинство специальностей, но не душила дороговизной. Когда Никита Хрущев, мастак на широкие хозяйские жесты, в урон народу вздул цены на мясные и молочные продукты, на водку и вина, он получил массовые протесты, в том числе на моем родном Магнитогорском металлургическом комбинате.

Слюнявая жалость

Мне необходимо было спастись, и потому я во второй раз, и в последний, персонально увидел Чаковского. Лучистой души благожелательный Сырокомский пожелал, дабы я показался Александру Борисовичу. Встречу подготовили. Минута в минуту я вошел в его кабинет. Поздоровался. Чак сидел над гранками в синих наруканниках, не встал, не кивнул. Я, досадуя, торкнулся на стул. Там, в ленинградском ресторане, был светский человек с присутствием дипломатической позы, здесь — карикатурного очертания истукан. Не поднимая глаз, он спросил, имеются ли у меня замыслы, завязанные на экономику. Я назвал отдельные из них: идея о безотходности производства, полное улавливание сернистого ангидрида на сульфидках и аглофабриках Магнитогорского металлургического комбината и снабжение им кислотного цеха, который предстоит построить, что обеспечило бы серной кислотой не меньше чем полмира; защита человеческого здоровья в заводских и полевых условиях, где самолеты обрабатывают кукурузные посевы химикатами; от планов социального развития на предприятиях (Пермский телефонный завод) до республиканских и общесоюзных предприятий. Он кивнул в знак признания, и я вышел.

До чего же хочется Ткаченко взглянуть прорицателем: в собственной подаче он выдает повесть «Буркало» как предсказание гайдаровских времен. И до чего же он слюняво жалуется, якобы ему не дали стать прорицателем критики, страшной всего ему помешал соцреалист Чупринин, который тогда не огляделся и не заметил «хапуг разных чинов и званий, кто в середине 80-х годов уже «выжидали хозяйственного разора в стране». Да-да, в те, мол, поры, господин Чупринин ничего грядущего не увидел, а после стал первейшим демократом и главным редактором необозримо-плюралистического журнала «Знамя», ранее красного, сейчас, должно быть, звездно-полосатого». Комедийно, точнее, гротесково, читать жалостливые слова А. С. Т. о том, что он был в «Литературной газете» выбран «козлом отпущения», и потом его немилосердно бил Чупринин: «Какой-никакой прозаик — и никто. В полном смысле никто, даже в знакомых Маркова или Михалкова не числился, в речах секретарей не упоминался, да по всему еще и беспартийный. Так что я не обижаясь, понимая все правильно, и никогда никому не жаловался на «Литературку», которой само ЦК КПСС поручило вершить все литературные дела». Беспартийный, потому и не достает понимания, что избранные партии вожаки не переводя свои функции ни газетам, ни журналам: на стреме они были, у рулей разного диаметра.

«И вершила, делая по своему усмотрению писательские имена. Да так умело и с заглядом в будущее, что в ославленной ею и при теперешней нашей демократии в той же славе и почете (не соблюл пунктуацию после «демократии» — Н. В.). Приведу имена наугад — Евтушенко,

Сдержанно вознаграждала советская власть большинство специальностей, но не душила дороговизной

Владимир Лидин считался человеком интеллигентным, порядочным, а в литературе — лириком

Вознесенский, Аксенов, Искандер, Окуджава... Это, так сказать, первый ряд, «интеллектуальный».

Интеллектуальные пласты

Разве Юрий Бондарев не интеллектуального ряда? Или Чингиз Гусейнов и его тезка Айтматов? И почему Сергей Залыгин, осмысливший троцкизм, не поставлен в первый ряд, а отнесен к деревенщикам? И неужели Павел Нилин, классический предтеча современного детективного жанра в лучших его образцах и осознатель того, к чему ведет политически жесткий сыск, начальственный произвол, прикрывающий честь личности, не может стоять в первом ряду перед Евтушенко, Вознесенским, Окуджавой, Аксеновым?

«Второй, «деревенский» — Астафьев, Белов, Абрамов, Залыгин (уже определили — внесут не туда — Н. В.), Можжевель...»

Умственностью они, и ее глубиной, отнюдь не ниже первых, а если учесть их незаемную родовую причастность к народной мудрости, то они превышают во всех сферах интеллектуальные пласты геологии земного разума.

«К первым и вторым можно прибавить еще кого-либо, но суть останется той же: имена им сделала, придвинула в массы народные «Литературная газета».

А. С. Т. из-за уровня своих способностей никак не смирит, что сами, прежде всего сами писатели создали свои имена, но, увы, неугодные власть придержащим, замалчива-

лись через цензуру, органы, печать, радио, телевидение...

Писал ли Чаковский мемуары для Брежнева? По слухам, в этом деле авангардистом был Анатолий Аграновский, некоторое время писавший речи Леониду Ильичу. Назывались и другие имена, в частности, Николай Грибачев.

Удивительно, что склонный к занижению Ткаченко, завывает с искривлением роль «Литгазеты» в подготовке будущей перестройки и распаде советской системы, и Александра Борисовича Чаковского в порождении господ демократов ельцинско-яков-слевско-гайдаровского разлива.

«Кинем, однако, взгляд в левую сторону улицы — там высится очередное громоздкое чудо развитого сталинизма, всегда крашенное в голубое, сколько я его помню (в основном цвет дач был светло-коричневым, коричневым, реже — зеленым, голубым стал по причинам увеличения производства голубой краски — Н. В.). Что меня не перестает удивлять — время-то было строгое, соцреализм — прям, как солдатский строй (окстись, несостоявшийся бондарь, почитай хотя бы Алексея Максимовича Горького, — Н. В.), а тут пожалуйста вам — нечто бессюжетное и бесформенное, некий спор, достойный Сальвадора Дали». Обычная типовая дача, как та, по соседству, в которую поселили Юрия Лаптева, прозаика, организатора Высших литературных курсов, с женой и дочерью, а также критикессу Евгению Книпович, восторженно известную в литературной среде сорока письмами Александра Блока к ней. А наградил голубой дачей, повернутой торцом к дороге,

А. С. Т. низкопробной несусветницей: «И в этом многокомнатном и сколько-тоэтажном сооружении жил-обитал беллетрист Владимир Лидин, долгое время состоявший в председателем Литфонда Союза писателей СССР». Дом был и есть двухэтажный, с высоким чердаком, комнат в нем тогда — не больше пяти.

Дерзкий борзописец

«Одни говорят — жил одиноко, другие — с женой, молоденькой, которая вскоре после его смерти покинула свое заточение «в высоком терему» под темными елями на обширном зеленом участке. Что ж, такого ранга чиновник имел право занимать столько жизненного пространства, быть категорически против поселений и даже строительства в его лесу хотя бы еще одной дачи».

Клеветничество — стиль Ткаченко. Молоденькой жены в заточении у Лидина Владимира Германовича не было. Была давняя, единственная жена — Мария Александровна. После ее смерти он вдовствовал. До ухода Марии Александровны на даче обитала еще и ее сестра с семьей. Когда Марии Александровны не стало, они съехали. При Лидине осталась дочь Елена и ее тезка, подруга Бессонова из сторожки, техничка Дома творчества, возле которой рос племянник Алеша, — он рано лишился матери и называл Елену Васильевну мамой. Жила с Еленой Васильевной и мать Ефросинья Афанасьевна.

«И это несколько странно, ибо Лидин считался человеком интеллигентным, порядочным, а в литературе — исключительно лириком. Писал рассказы и новеллы, и за долгую свою жизнь сотворил их великое множество. Дважды брался за романы: «Великий или тихий», «Две жизни», но осознал, вероятно, а может, критически подсказали, что жанр сей — не его. Потому-то все мы, так называемые шестидесятники, знали Владимира Лидина как уютного, даже несколько снобистского новеллиста. И вот вам, он же — председатель Литфонда, он же — нелюдимый дачевладелец».

А не тут-то было: на втором этаже, из года в год, летом, у Лидина жил с семьей Илья Эренбург, пока не построился в Истре, о чем свидетельствует Елена Владимировна Бессонова. И она же свидетельствует: на зиму Лидины уезжали в Москву и оставляли на даче ее с мамой и сыном. Решительный, дерзкий борзописец А. С. Т. примазывается к шестидесятникам, то есть к тем писателям послевоенного периода, на ком начинала держаться литература, кое-кого из них он назвал для сведения. И чтобы показать, куда он летит, я прибавлю к ним отдельных писателей: Виталия Семина, автора повести «Семеро под одной крышей» и романа «Нагрудный знак ОСТ»; Василия Шукшина, великолепного рассказчика, сценариста и режиссера; отличного мариниста Анатолия Соболева, тоже алтайца, как Шукшин; Станислава Мелешина, оригинального рассказчика, открывателя манси, повествователя («Гром спит в колоколах», «Веселье волки»); Валентина Распутина, иркутянина, автора проникновенных повестей — «Деньги для Марии», «Последний срок»; Дмитрия Балашова, исторического романиста («Марфа-посадница», «Господин Великий Новгород»), фольклориста — автора большого труда «Свадьба на реке Кокшеньге»...»

Продолжение следует.

> Авангардистом в написании мемуаров для Леонида Ильича Брежнева был Анатолий Аграновский